

УДК 281.93 “8/10” (045)

*К.А. Костромин***СОЗДАНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ЕПИСКОПАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НА РУСИ
В ЭПОХУ АКТИВНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА КОНЦА X — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА**

Взаимосвязь христианизации Древней Руси и начального этапа ее политогенеза изучается уже давно, даже несмотря на то, что прямая постановка вопроса фигурирует нечасто. Одним из элементов этого процесса является формирование церковной епископальной структуры. Все чаще историки приходят к выводу, что мгновенное его появление невозможно (как мыслили историки дореволюционной эпохи) и что его создание должно было занять более или менее длительное время (до нескольких десятилетий), что породило ряд концепций, объясняющих пути создания церковной иерархии на Руси. В 2015 году была выдвинута концепция множественности начальных иерархических структур (юрисдикций) после крещения св. Владимира. В статье проведен анализ мнений историков, поддержавших или подвергших критике данное положение, а также приведены дополнительные выводы о характере взаимосвязей формирования церковной структуры и политогенеза Древней Руси в эпоху св. Владимира.

Ключевые слова: История Русской Церкви, Древняя Русь, епископ, политогенез, историография.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-42-54

Споры о характере политогенеза в Древней Руси, как известно, идут уже очень давно. Зачатки их фиксируются еще в спорах норманистов и анти-норманистов, позднее переместились в философско-общественную мысль в западничестве и славянофильстве, а с первой половины XIX в. стали носить академический характер. Уже с этого времени наметились две тенденции, которые, в отличие от попыток увидеть больше западно-иностранных или автохтонных основ в древнерусском обществе и государстве, живут и поныне: либо слишком удревять, либо чересчур омолаживать древнерусскую государственность¹. В XX в. эти споры не прекратились, а тенденции только упрочились, прежде всего посредством шаблонного использования марксистской идеологии, когда стадийные процессы должны были проходить синхронно в разных частях света и в строго определенной последовательности в соответствии с теорией (а не с тем, что показывает исторический материал). Писать историю этих споров не является моей задачей. Вероятно, именно труды Игоря Яковлевича Фроянова заставили существенно переосмыслить процесс политогенеза в Древней Руси, который рассматривался историком и без попыток чрезмерного удревяния, и без ухода в модернизацию древности, а также приобрел через призму марксистской методологии «собственное лицо». Приснопамятный мэтр встал «над схваткой», не стараясь объявить любое сообщение источников или археологический памятник свидетельством баснословной древности русского государства, но и не поддаваясь на политические инсинуации либерально мыслящих европоцентристов, которым мучительна мысль, что Древняя Русь может быть сопоставляема со «старой» Европой по почтенности традиций и культуры.

Пользуясь идеями И. Я. Фроянова о постепенном политогенезе, переходе от общинности к ранним формам государственности через подобие полисной системе античности, я в свое время поставил вопрос о, с позволения сказать, «екклесиогенезе» в отдельно взятой культуре и стране (на древнерусском материале), давая возможность как прийти к более общим, обобщающим выводам по проблеме в целом, так и распространить метод на изучение начальной истории христианской церкви практически во всех странах Восточной Европы. В отдельных исследованиях по истории церкви на Балканах историки уже приходили к сходным выводам [11, с. 49–72, 85–193; 51, S. 490–498; 38, с. 298–299]. Суть заявленного тогда мной тезиса такова: поскольку наличие государственности является обязательным условием успешной христианизации, и само строительство церковной организации — процесс длительный и непростой, требующий участия государства (политической воли, организации процесса и вливания финансовых средств), формирование христианской иерархической структуры в

¹ Контраст мнений можно видеть на примере выпуска журнала «Родина», посвященного 1150-летию древнерусской государственности [14, с. 23; 8, с. 82]. А.Н. Кирпичников посчитал датой основания древнерусского государства 862 год, а А. Ю. Дворниченко попытался обосновать утверждение, что Киевская Русь государством не была вообще.

Древней Руси напрямую было связано с ходом и характером политогенеза и зависело от его динамики. Формулирование этого тезиса также позволило объяснить, почему не удалось ранние попытки учреждения христианской церкви на Руси до князя Владимира. По сути, они носили потестарный характер, в силу соответствующей динамики политогенеза. Около полувека понадобилось киевским князьям, чтобы создать единую стройную структуру митрополии в составе Константинопольской патриархии (1037), которую постепенно «лепили» из духовенства разного происхождения. Очевидно, что, по аналогии с церковью в Восточно-франкском королевстве, первоначальная церковная иерархия подчинялась не какому-то единому церковному внешнему центру (Константинополю, Охриду, Антиохии и т. п.), а русским князьям, причем духовенство автохтонное (древнерусское), болгарское, корсунское и латинское замыкалось непосредственно на князей, будучи вполне независимым и параллельным друг другу, не объединенным в единый непротиворечивый церковный организм. Вполне естественно называть такой организм «автокефальным» [25, с. 28–42 и др. его работы], имея в виду самовозглавление его своим же великим князем киевским. В такую вполне независимую церковную структуру не могли входить имперские архиереи и духовенство, которые должны были (исходя из списков Константинопольских митрополий) носить лишь условный титул «русских митрополитов», и то, возможно, добавленных в перечень позднее на более высокую ступень, чем пресловутые аланские епископы (имею в виду спор последних десятилетий касательно порядка перечисления епископий в *Notitia episcopatum* [50; 28; 29]).

Эти идеи были высказаны в трех статьях, одна из которых вошла в книгу о св. князе Владимире [19; 22; 16; 18, с. 82–116]. В разное время мои выводы относительно сосуществования на Руси разных церковных юрисдикций приняли П. И. Гайдено, В. В. Мильков, Н. А. Чернышева, П. И. Федотова [48, с. 176; 24, с. 9; 5, с. 102; 45], а идею потестарного характера христианизации (включающей в себя создание иерархической структуры) поддержали А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Оспенников [9, с. 18; 33, с. 41; 32, с. 127]. Правда, они не сошлись в оценке того, может ли сама церковь оцениваться как потестарный институт. А. Ю. Дворниченко, имея в виду древнерусские реалии, возразил, что церковь не относится к числу потестарных институтов, а Ю. В. Оспенников указал на то, что ранняя христианская церковь первых двух веков едва ли может рассматриваться как сложившийся социальный организм. На мой взгляд, здесь нет противоречия, и оба коллеги в своих выводах правы. Конечно, церковь, по крайней мере во второй половине I — начале II в. нашей эры, невозможно рассматривать как зрелую общественную организацию со сложной устойчивой иерархической структурой, но ко времени крещения Руси она, безусловно, такой была и была давно (одно из последних исследований на эту тему [2]). Поэтому с Ю. В. Оспенниковым не могу согласиться только в одном — в применении аргумента о возможной потестарности церкви как института к эпохе св. князя Владимира. С другой стороны, А. Ю. Дворниченко совершенно прав, считая, что церковь (по крайней мере, на территориях, надежно контролировавшихся Византией) не была потестарным институтом. Оговорку же в адрес моей концепции не могу принять по другой причине: когда церковный институт создавался усилиями князя Владимира, он не мог придать ему такой же законченный характер, какой церковь имела в Византии или на территориях, ранее ей подвластных. Именно поэтому период сложения (около полувека) церковной структуры можно считать потестарным настолько, насколько потестарным было общество, для которого и в рамках которого она создавалась. Конечно, сама христианизация резко подстегнула процесс политогенеза, выводя позднеобщинное древнерусское общество на ранние стадии государственности [1].

Вторая идея — «поликонфессиональности» или присутствия на Руси представителей разных церковных юрисдикций встретила и неприятие со стороны ряда историков. Можно было бы просто ответить на критику в каждом отдельном случае, однако для более внятного и убедительного ответа необходимо выяснить, насколько принципиальным является несогласие с предложенной интерпретацией источников и, через них, с древнерусской действительностью. Принципиальное несогласие может простекать только от одной причины — несогласия с главной идеей размытости, потестарности первоначальной церковной организации в Древней Руси (в конце X — начале XI в.), базирующейся на трудах И. Я. Фроянова. Если несогласие основывается лишь на ином прочтении того или иного источника (т. е. интерпретации частных элементов концепции) или из-за приверженности иной концепции (монополии [21] той или иной юрисдикции в Древней Руси), то считать его принципиальным трудно.

Одной из первых по этому вопросу высказалась Е. Б. Грузнова, упрекнувшая меня в том, что я проигнорировал связь предания об апостоле Андрее с идеей первоначальной «автокефалии» А. Л. Ни-

китина, Л. Мюллера и И. С. Чичурова [7, с. 322]. Вероятно, в целом с этим упреком можно и согласиться, поскольку упущенный эпизод, при всей гипотетичности его толкования, усилил бы основной аргумент множественности групп духовенства при общей неподчиненности какому-либо из существовавших церковных центров, неупорядоченности, даже некоторой дискретности ранней церковно-иерархической структуры. Хотя нужно иметь в виду, что аргументы указанных исследователей «работают» только в условиях, во-первых, идеи «монополизации» церковной юрисдикции, не свойственных эпохе св. Владимира, и, во-вторых, церковной жизни второй половины XI в., периода, который не только выходит за рамки указанных исследований, но и в который, по моему мнению, церковная монополярная византийская структура в целом уже сложилась (не считая эксперимента с тремя митрополиями). Нужно отметить, что хотя сам источниковый материал свидетельствует об отсутствии порядка в церковном устройстве эпохи св. Владимира и смуты Владимировичей, источники рубежа XI–XII вв. предпочитали напрямую об этом не говорить. Кроме того, на наш взгляд, нарративный характер сказания об апостоле Андрее, сочинителем которого, возможно, был святитель Ефрем Переяславский, секулярность его основной идеи, не дают возможности распространять вложенные в него идеи за рамки эпохи, когда сюжет был создан [17; 26]. Скорее, идея «первичной автокефалии», когда «апостолом Руси» был князь Владимир [26, с. 91], была заменена идеей апостольского основания древнерусского христианства, когда та перестала быть актуальной [15, с. 197].

В изданной в 2020 г. книге о князе Владимире уделил нашей идее несколько строк А. В. Назаренко. Он покритиковал ее на примере сюжета с приездом в Туров епископа Рейнберна. По мнению А. В. Назаренко, этот сюжет имеет исключительно политический, а не религиозный смысл. При этом он следует строго в русле традиционной отечественной историографической традиции, прежде всего советской, упрекая нас с А. С. Кибинем в том, что мы следуем ошибочным выводам «старой историографии», считая Рейнберна осуществлявшим именно иерархические функции [30, с. 98, сн. 74]. Однако критика одного лишь сюжета не разрушает всей конструкции основной идеи и не лишает ее обоснованности, тем более что сам А. В. Назаренко не привел резонных аргументов, опровергающих выводы как «старой историографии», так и мои. Деятельность Рейнберна в качестве «духовника» не делает невозможным отправление им функций правящего епископа (этот вывод принят П. И. Гайденко [4, с. 6, 8; 5, сн. 34]), тем более что роль «духовника» — это тоже только попытка интерпретации текста Титмара Мерзебургского, который не оговаривает целей его приезда на Русь в свите супруги Святополка Владимировича (Ярополчича) [43, с. 162–163, VII.72]. Сам А. В. Назаренко 20 лет назад предложил аналогичное нашему обоснование на основе умолчания: Адальберт Магдебургский, по его мнению, продолжал считаться миссийным епископом Руси, поскольку в описании территории его митрополии отсутствовала восточная граница [29, с. 314–320]. Не могу не согласиться с логичностью его рассуждений а *contrario* и принимаю их. Думаю, что та же логика в отношении как функций Рейнберна, так и титулярность безымянного первого русского митрополита в *Notitia episcopatum*, который, как и его предшественник Адальберт, был назначен в митрополиты на Русь, но не мог туда приехать, должна приводить к выводам, которые я сделал в указанных выше работах.

Таковы несогласия по отдельным сюжетам.

Два исследователя не согласны с моими выводами, поскольку исходят из других концепций аргументации по отношению к предлагаемой мной концепции.

Наиболее конструктивное, вдумчивое и аргументированное оппонирование представлено моим коллегой из Московской Духовной Академии протоиереем Александром Задорновым [13]. Собственно, как такового несогласия с моей позицией он не высказал, предложив свое видение проблемы и назвав мою концепцию «радикализацией предположения о неконстантинопольской юрисдикции первоначальной церковной организации Киевской Руси», заставляя «по-новому взглянуть на традиционно скептическое мнение о возможности первоначальной автокефалии киевской церковной организации» [13, с. 17–18]. Априорной заданностью для отца Александра является канонически легальный принцип епископального устройства. Анализ правовых норм, касающихся принципов церковной организации, минуя вопрос исторической их применимости, проведен им очень убедительно. Однако несколько неожиданно он применил ее для своеобразного оправдания независимости и самостоятельности церковной структуры Первого Болгарского царства, заявив на этом основании, во-первых, о невозможности повторения этого опыта в Киевской Руси и, во-вторых, как следствие, «большой связи» церкви в Киевской Руси с балканским охридско-преспенским регионом (фактически, реанимировав гипотезу М. Д. Приселкова).

Единственный момент, как раз не канонический, а исторический, который может скорректировать (но ни в коем случае не опровергнуть) выводы прот. Александра Задорнова, заключается в том, что этнический принцип, актуальный в момент написания канона — в IV в., был уже в целом неактуален в X в. В течение V–VII вв. константинопольская и прочие византийские юрисдикции утратили влияние и прямые контакты с этническими не-греческими группами — армянами, сирийцами, арабами, коптами, эфиопами, готами и др. Сохранились, правда спорадические, контакты с грузинскими княжествами и их церковными структурами и латинскими церквями южной Европы, но подавляющая численность этнически-греческих епархий стерла необходимость в этнической организации церковной структуры. Особенно это хорошо видно по истории деградации епископальной структуры материковой Греции после прихода туда в VII в. славян [39, с. 11–14]. Поэтому, хотя на Балканах, судя по всему, этот принцип оказался применим после миссии св. Кирилла и Мефодия, в целом актуальным его назвать нельзя.

Кроме того, с моим выводом не согласился О. Г. Ульянов. Несогласие своё он выразил в весьма грубой форме, нетипичной для научной полемики². Не буду опускаться до подобного уровня оскорблений и перехода на личности, однако по существу вопроса отвечу. Он утверждает, во-первых, что мои работы суть компиляции работ А. В. Назаренко (которого он многословно обвиняет в некомпетентности), и в частности, что выводы мои основаны на «выдержках А. В. Назаренко из нотаций Константинопольского Патриархата», а во-вторых, что мои выводы якобы признал «научно несостоятельными» о. Александр Задорнов [44]. Приведенный выше анализ статьи о. Александра показывает, насколько далеки его выводы от ульяновских замечаний. Да, о. Александр исходит из иных посылок и приходит к иным выводам, однако он не занимается уничтожением иных точек зрения. Этот пассаж хорошо характеризует «научный подход» г-на Ульянова — он стремится не изучить всю полноту источников и спектр мнений, а сразу заклеить потенциальных оппонентов. Однако если бы он внимательно читал мои работы, то заметил бы, что вместо конспектирования работ А. В. Назаренко (высочайшую компетентность и огромный вклад которого в науку я безоговорочно признаю) я попытался построить свою систему выводов о развитии русско-латинских церковно-культурных и политических взаимосвязей. Он также заметил бы, что и текст, и анализ *Notitia episcopatum* построены в моих работах целиком и полностью на издании Даррузеса и в ряде наблюдений существенно дополняют (и корректируют) выводы А. Поппэ и А. В. Назаренко.

Если же говорить по существу, то статья О. Г. Ульянова есть ничто иное как попытка по-иному взглянуть и реанимировать предложенную еще С. П. Шевырёвым концепцию создания церковной структуры на Руси Антиохийским Патриархатом [42, с. 126]. Только, в отличие от отвлекенной концепции Я. Н. Шапова, О. Г. Ульянов предложил несистемный обзор хаотически подобранных аргументов якобы «патриаршего достоинства» эфесского митрополита, якобы подчинявшегося Антиохийскому патриарху, якобы создавшего на Руси автокефальную иерархию. Все эти странные «наблюдения» базируются на источниках XIII–XVI веков — Проложной редакции Жития св. князя Владимира, редакции XV века Устава св. князя Владимира (время создания выдает упоминание саккоса, которым якобы почтен митрополит Михаил, отправляемый патриархом Фотием на Русь — саккос вошел в употребление в Церкви не ранее конца XIV века), грамоте Константинопольского патриарха 1560 (!) года. Иногда им дается очень странное объяснение. Так, порядок перечисления географических наименований в Проложном житии св. князя Владимира — «хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Асия Богословца Иоана, Егюпетьская Марка, Антиохииская Луку, Гречьская Андрея» [49, с. 140] — О. Г. Ульянов объясняет тем, что «Асийская кафедра в Эфесе поставлена вслед за Римской, вытеснив Иерусалимскую, а Константинопольская занимает последнее место... [потому что] именно такой “Чин Патриархов” был принят при Владимире Святом в ранних русских диптихах». Однако есть значительно более простое и убедительное объяснение: топосы закреплены здесь за проповедовавшими там апостолами, а сами апосто-

² Вероятно, я его невольно обидел, когда, как организатор научной конференции, попросил подтверждения заявленных О. Г. Ульяновым его титулов, званий и места работы («доктор исторических наук», «академик РАН» и «заведующий сектором ФГБУК «Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева»), поскольку не нашел в интернете подтверждения этих сведений. Сам Олег Германович отказался предоставить подтверждающие документы, а нам найти подтверждения декларируемому им утверждению, что он «доктор исторических наук», не удалось. ВАК РФ по запросу также не подтвердил присуждение ему этой степени, а Российская Академия Художеств предоставила решение об отзыве его почетного членства в Академии, подчеркнув, что действительным академиком РАН О. Г. Ульянов никогда и не был [52].

лы перечислены в порядке их почитания — сначала первоверховные апостолы Петр и Павел, затем «любимый ученик» Иоанн, затем евангелисты Марк и Лука, и только затем брат Петра Андрей (в тот момент сюжет о якобы имевшем место посещении Руси апостолом Андреем еще не сложился — см. выше комментарий к моей полемике с Е. Б. Грузновой). Кроме того, далеко идущие «объяснения» г-на Ульянова игнорируют родственный Проложному житию текст Похвалы князю Владимиру, призывающей к Слову о законе и благодати, начинающийся тем же «хвалит», однако в нем отсутствуют упоминания Антиохии и Греции, а между Иоанном Богословом и Марком вставлено упоминание апостола Фомы в Индии [26, с. 91]. Если бы автор Жития имел столь глубокие основания ограничить перечень именно этими апостолами и расставить их именно в таком порядке, то тем более мы были бы вправе ждать этого от митрополита Илариона.

В нашу задачу не входит подробный анализ и опровержение концепции О. Г. Ульянова. Даже если не обращать внимание на частичную нелогичность, странный подбор источниковой базы и местами неубедительное комментирование ее содержания, следует подчеркнуть, О. Г. Ульянов исходит, во-первых, из идеи «монополии» определенной иерархической структуры на Руси и, во-вторых, утверждает одну из уже существующих теорий — не «константинопольскую», не «охридскую», не «корсунскую», а «антиохийскую», и в этом он неоригинален.

Таким образом, ни одному из моих критиков, сколь бы серьезно они не критиковали второй тезис — о сосуществовании духовенства из нескольких юрисдикций, не удалось высказать каких-либо серьезных доводов против этой идеи, а также они не подвергли сомнению и критике основной тезис — о потестарном характере ранней русской церковной организации, о постепенном ее формировании, о созвучности процессов христианизации и политогенеза в Древней Руси. Попробую углубить эту концепцию, коль скоро она была более благосклонна принята коллегами.

Говоря о небыстром и непростом процессе формирования церковной иерархии на Руси, я делал акцент на том, что князю Владимиру было трудно не только быстро обеспечить церковный институт всем необходимым, и что сами по себе церковные институты того времени не могли бы быстро удовлетворить спрос Руси на подходящие кадры — священнослужителей, готовых поехать в далекие и неизведанные дикие скифские пределы, да еще со знанием славянского языка... А что говорить об архиереях, ведь ехать нужно было, как говорится, в поле... Иными словами, акцент делался на проблемах внутрицерковных. А также на проблемах межцерковных взаимосвязей, поскольку конфликты между церковными центрами, часто связанные с политическими или военными обстоятельствами, мешали и благоприятным миссионерским акциям. Известна конкуренция между германской латинской церковной миссией и византийской церковью, приведшая к конфликтам в Моравии и Балканах. Однако значимым является и внутренний фактор развития Руси.

И. Я. Фроянов в течение всей своей научной деятельности проводил идею долгого постепенного политогенеза на территории Восточно-европейской равнины. От племенных союзов IX века он переходил к союзам племен в конце IX–X вв., или межплеменному словенскому союзу (как он его стал называть в последних работах), и наконец, к созданию древнерусского государства в начале XI в. на основе складывавшейся древнерусской народности [46, с. 11–19; 47, с. 100–103, 244–252, 260–261]. Эти положения развил, детально проработал и дополнил В. В. Пузанов [40, с. 300–308, 386–387, 401–405]. Не вдаваясь в детали этих подробно разработанных исследований, попытаюсь спроецировать основные наблюдения на историю формирования церковной институции.

Главная мысль, которая порождается идеей активного политогенеза в IX–XI вв., заключается в том, что не в любой стадии политогенеза насаждение христианства (а равно и любой иной сложной религиозной системы, к которым относятся все мировые религии) будет одинаково успешным. Более того, не церковь направляла процесс политогенеза (как часто писали дореволюционные историки), а нарождавшееся государство оказывалось заказчиком и исполнителем религиозной реформы, на что едва ли не впервые обратил внимание Н. М. Никольский в своей «Истории русской церкви» [20, с. 239–240; 31, с. 21–37 (особенно с. 36)]. Эти взгляды в научном русле развил С. В. Бахрушин, отчасти «вернувший» церкви активную роль в политогенезе [47, с. 217–219]. Стало быть, именно с определенной стадией политогенеза нужно связывать и появление христианства как такового на Руси, и официальное ее крещение.

В. В. Пузанов отметил, что поскольку «более правильно... вести речь... об организации населения по территориальному признаку» вследствие «деструкции родоплеменных отношений», Киевская Русь во второй половине X в. превращается в «сложную федерацию земель», состоящую из го-

родов-государств [40, с. 176–177, 181]. По его мнению, «завершение формирования суперсоюза с центром в Киеве приходится на правление Владимира Святославича, когда происходит окончательное подчинение под дань восточнославянских “племен”, а в важнейшие центры назначаются княжеские наместники», имея в виду перечень детей Владимира и городов, куда они были отправлены княжить после крещения [40, с. 259].

И. Я. Фроянов и его ученики рассматривали первых летописных князей как непосредственных участников процесса постепенной ассимиляции варяжских конунгов в славянскую среду, более того, в его родовую знать. Этот процесс, который можно назвать одновременно процессом социогенеза, в котором и князь постепенно играл все более значимую роль [46, с. 30]. По мнению Игоря Яковлевича, которое осталось как окончательное, будучи опубликовано в его итоговом курсе лекций, «введение христианства на Руси осуществлялось по замыслу и воле киевской знати, поляно-киевской общины в целом, заинтересованной во властвовании над русскими славянами Восточной Европы, реализуемом в форме общевосточнославянского межплеменного союза (суперсоюза) во главе с Киевом. <...> То была попытка законсервировать традиционные институты, “подморозить”, так сказать, всевосточнославянский межплеменной союз. <...> Князь Владимир... преследовал... одну цель, а результат получил другой — противоположный. Христианство... расшатывало племенные устои замкнутости различных этногрупп,.. способствуя росту культуры, развитию письменности в нашей стране, формированию древнерусской народности» [47, с. 244–245].

В Повести временных лет, в литературном рассказе о принятии христианства князем Владимиром, можно наблюдать характерную закономерность. «болгары веры бохъмиче» пришли после того, как «прииде Володимерь Киеву» [37, с. 39–40]. Дальнейшие переговоры вел лично Владимир и с немцами, и с иудеями, и с греком-философом, однако они были прерваны желанием князя «испытати о всех верахъ». На этом этапе Владимир, не готовый принять единоличное решение, выносит вопрос на обсуждение политической элиты, в том числе родоплеменной знати: «созва Володимерь боляры своя и старци градские», и только получив их поддержку: «отвещавше же боляре рекоша: Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бе мудрейши всех человек. Отвещав же Володимерь, рече: Где крещенье приемемъ? Они же рекоша: Где ти любо», он принимает крещение [37, с. 48–49]. Участие политической элиты в обсуждении выбора веры перекладывало и на них значительную долю ответственности за принятие решения.

Вопрос в том, насколько Русь в этот момент была едина, насколько могла принимать консолидированные решения по широкому кругу сложных проблем, связанных с принятием христианства. Обычно видят проблему политическую — к зависимости (или связи) от каких влиятельных политических центров приведет тот или иной выбор веры. В церковных кругах, как показывает приведенный выше обзор, циркулирует проблема церковно-юрисдикционная (иногда понимаемая как каноническая, т. е. правовая). Однако этими проблемами перечень не заканчивается. Выбор подчинения тому или иному иерархическому центру не помогает решить проблему низших кадров — рядового духовенства. Налаживание церковной жизни предполагает не только строительство храмов, но и оформление их внутреннего убранства, обеспечение их дальнейшего функционирования, нахождение для духовенства места в общественной стратификации, наполнение храмов богослужебными книгами (хотя бы минимально необходимыми — Евангелием, Апостолом, евхологием (служебник плюс требник), часословом) на определенном языке (в отличие от прот. А. Задорнова я не считаю эти задачи легковывполнимыми [13, с. 26]). Последняя проблема связана с организацией своего рода логистики — доставки по одному из имеющихся торговых путей книг из крупных центров их распространения. А. М. Пентковский посчитал, что для организации их доставки необходимо решение священноначалия [34, с. 58]. Однако очевидно, что в случае необходимости (а чаще — и просто проще) эту проблему решить экономически — просто приобрести эти книги.

Представляется, что, как в наши дни, так (и тем более) в средневековье, христианство являло себя не столько в форме идеи³, сколько в форме церковного социума, организационной основой которого было и остается духовенство. Принимая основной тезис Игоря Яковлевича, который он унаследовал от почти столетней научной традиции, что «введение христианства на Руси осуществлялось по замыслу и воле киевской знати», мы должны задать и следующий вопрос: как эта киевская знать,

³ Хотя здесь необходимо сделать важную оговорку, отмечая развитие, реализацию, проявление — не идеи! — но внутреннего христианского чувства: одиначества, кенозиса, раньше, чем смогло сформироваться иерархическое устройство [36, с. 17–20; 35, с. 16–17, 20].

возглавлявшаяся св. князем Владимиром, решала проблему формирования древнерусского духовенства в кадровом отношении, встраивания его в формировавшийся древнерусский социум и было ли оно озабочено проблемами церковно-юрисдикционными?

Первая часть этого вопроса представляет собой большую научную проблему, так до конца и не поставленную в науке, поскольку при всех попытках выстроить социальную структуру древнерусского социума духовенство туда по-прежнему не входит [47, с. 290–358; 6, с. 167–344]. Духовенство даже противопоставляется социуму в парадигме «отношение [социума] к духовенству и Церкви» [10, с. 406 и сл.] (хотя советский историк Б. А. Романов не побоялся рассматривать «отцов духовных» именно в ряду других социальных групп [41]). Ситуация видится сложной именно потому, что, судя по всему, часть архиереев находилась на высшей ступени социальной иерархии, а среди рядового духовенства встречались не только свободные, но и рабы, однако имеющиеся сообщения источников отражают процесс формирования определенной социальной группы, хотя и неоднородной. В ней же можно видеть и указания на то, откуда черпала церковь кадры для духовенства, и то, что она становилась для них социальным лифтом. Имеется и значительное число свидетельств о поставлении в священный сан чужестранцев. Впрочем, здесь я могу только обозначить проблему, требующую решения в отдельном исследовании.

А вот вторая часть вопроса, касающаяся церковно-юрисдикционных проблем, обзор мнений о которой применительно к моим ранним публикациям приведен выше, может получить чуть более развернутый ответ. И прежде всего, отвечая на недоумение Людольфа Мюллера (приведенное прот. Александром Задорновым): «у некоторых исследователей... картина вырисовывается таким образом, будто бы единственным или по крайней мере основным интересом новообращенных в христианство русских было бороться против греческого христианства или хотя бы против юрисдикционной зависимости Русской церкви от Греческой» [27, с. 188], скажу — да, это была одна из самых насущных проблем власть имущих в Древней Руси. Вопрос выбора юрисдикции — это вопрос выбора внешнего влияния. После длительного перерыва (как это удачно показано в работе о. Александра) в IV–IX вв., когда вместо сепаратизма церковных центров можно было наблюдать их укрупнение и, как побочный эффект, разделения по доктринальному признаку с учетом еще и территориально-этнических общностей, был создан прецедент создания независимого церковного центра в Болгарии. Властные институты Руси не могли не попытаться использовать этот прецедент, чтобы не оказаться в подчиненном по отношению к Константинополю положении. Прецедент, в данном случае, давал два результата: предотвращал непосредственное властное влияние Византии и давал возможность создать церковную юрисдикцию, полностью зависимую от местной политической элиты. Если второго результата можно достичь только ценой долгих и непростых усилий по формированию церковной иерархической структуры, то первый приобретает легко в результате разрыва отношений.

Важным попутным, но, к сожалению, из-за крайне фрагментарной источниковой базы, нерешаемым вопросом является вопрос формирования иерархических центров (епископий) не в Киеве, а на местах. Древнерусский этногенез в конце X в. еще не вступил в свою завершающую фазу, племенные различия были достаточно сильными, границы (хотя и несколько условные) представляли определенное препятствие, а городские центры еще не дооформились (за исключением Киева и Новгорода). Создание в отдельных федеративных центрах в конце X в. представляется просто невозможным ввиду отсутствия развитых городских центров, активно строившихся при Владимире и Ярославе. Только к 1030-м гг. впервые появляется возможность создавать первые полноценные епископии.

Однако есть важное обстоятельство. В приведенной выше статье прот. Александр Задорнов ставит вопрос о принципах формирования церковной структуры, давая два варианта ответа, в зависимости от канонической основы: принцип территориальный и принцип этнический. Сразу он приводит и прецедент, когда при начальной организации церковного института в Первом Болгарском царстве сосуществования двух иерархических структур — «епископии с примасом-епископом словенским» (основанной на языковом принципе) и «диоцеза с греческим клиром». Утверждение территориального принципа стало окончательным шагом к оформлению независимости (автокефалии) церковной иерархии от Константинополя [13, с. 20–21; 15]. Этот принцип в целом повторяет и уточняет предложенную мной концепцию, оставляя нерешенными только два вопроса. Первый касается принципа устройства первоначальной епископской структуры на Руси. Нет никаких объективных данных, чтобы однозначно утверждать о существовании иных епископий на Руси, кроме Киевской и Новгородской, вплоть до кончины св. Владимира (насчет статуса Туровской епископии во главе с Рейнберном — я также согласен с тем,

что у историков недостаточно данных, чтобы считать эту епископию полноценной, официально учрежденной и включенной в русскую иерархическую структуру, хоть в греческую или автокефальную, хоть в параллельную латинскую; скорее можно говорить о «техническом» (временном) ее учреждении только на время пребывания в Турове Рейнберна⁴). Соответственно, нет возможности наблюдать параллелизм территориальной и этнической иерархий. Две отмеченные епископии характеризовались либо первым принципом, либо вторым. И это утверждение влечет за собой второй вопрос: а можно ли говорить об этническом епископате? Имена и происхождение русских епископов можно проследить только на вторую половину XI в., когда подавляющее их большинство было выходцами из Киево-Печерского монастыря и, следовательно, представителями этнического епископата. Можно ли утверждать, что так было и в конце X — начале XI вв.? Нет. Если верить корсунскому происхождению епископа Иоакима в Новгороде и Анастаса (кем бы он ни был по сану, или даже не имел такового, оставаясь «внешним управляющим» Десятинной церкви) в Киеве, этническими епископами они не были, и только в годы правления Ярослава Мудрого произошел этот переход — от (условно) территориального (поскольку не действовал этнический) к этническому принципу. В годы правления Владимира еще не было единого этноса, способного сформировать этнический епископат. При этом нужно иметь в виду важное замечание прот. Александра, что «главным формальным условием [формирования автокефалии] является наличие как минимум четырех епископов», поскольку для хиротонии нового архиерея необходимо не менее троих действующих [13, с. 26] (хотя история знает немало исключений). Иными словами, сколь бы привлекательной ни была идея отца Александра, ее трудно применить к древнерусскому материалу. И именно поэтому в своей концепции я должен делать важную оговорку: речь идет не о полноценном формировании церковно-иерархической структуры на Руси при князе Владимире, а о попытке князя ее сформировать и о том «материале» — иерархических структур соседей, из которого он мог пытаться «лепить» церковную иерархию у себя. Эти наблюдения лишь укрепляют сомнения в том, что Церковный устав князя Владимира мог быть хотя бы отдаленно похожим на то, в каком виде он дошел до наших дней [3, с. 15].

Таким образом, попытки оспорить отдельные положения концепции неоформленности древнерусской церковной структуры и, как следствие, сочетание духовенства различного происхождения и принадлежности оказываются неудачными, а сама концепция может еще уточняться исходя из имеющихся исторических источников и на основании тех выводов о древнерусском политогенезе, к которым пришла на данном этапе историческая наука.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк–марксист. 1937. № 2. С. 40–77.
2. Волчков А. С., свящ. Раннехристианская община в античном полисе. М.: Познание, 2019.
3. Гайденок П. И. К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник ПСТГУ. Сер.: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II:1 (26). С. 7–16.
4. Гайденок П. И. О епископских монастырях и о правах архиереев в отношении монастырей Киевской Руси // *Rossica Antiqua*. 2016. № 1–2 (13). С. 3–27.
5. Гайденок П. И. О праве суда над епископатам на Руси (XI–XIII вв.). постановка проблемы // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 90–108.
6. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: АСТ, 2004.
7. Грузнова Е. Б. Об особенностях изучения летописного предания об апостоле Андрее // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 5. С. 323–338.
8. Дворниченко А. Ю. А существовало ли государство Киевская Русь? // Родина. 2012. №9. С. 79–82.
9. Дворниченко А. Ю. Города–государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С. 6–23.
10. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.
11. Живковић Т. Црквена организација у српским земљама (рани средњи век) / Историјски институт. Посебна издања, књига 45. Београд, 2004.
12. Задорнов А. В., прот. Территориальные епархии и этнические епископии в структуре церковной организации Первого Болгарского царства (канонический аспект) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2016. Т. 5. No 2. С. 121–135.

⁴ Едва ли заслуженный миссийный епископ-суффраган в связи с отъездом на Русь должен был быть низведен до уровня ауксилиария.

13. *Задорнов А. В., прот.* Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 15–30.
14. *Кирпичников А. Н.* Государственности России — 1150! // Родина. 2012. №9. С. 23–24.
15. *Костромин К., прот.* Апостол Андрей и его почитание в XI в. на Руси: Восток и Запад // Христианские ценности в культурной традиции Востока и Запада — история и современность: сб. докл. XXII Международных Кирилло-Мефодиевских чтений (27–27 мая 2016 года, Институт теологии БГУ). Минск: Минар, 2017. С. 193–197.
16. *Костромин К., прот.* К вопросу о сравнении крещения Руси и Литвы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 11–28.
17. *Костромин К., прот.* К вопросу об авторе летописного сказания об апостоле Андрее // Христианское чтение. СПб., 2015. №6. С. 22–38.
18. *Костромин К., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2016. 176 с.
19. *Костромин К., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, Вып. 3: материалы науч. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации». Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. / под ред. к.и.н. прот. К. А. Костромина. СПб., 2015. С. 48–75.
20. *Костромин К., прот.* Крещение Руси в отечественной историографии до и после 1917 года // Церковь. Богословие. История: материалы V Междунар. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург: ЕДС, 2017. С. 237–242.
21. *Костромин К., прот.* Монополизм и церковно-историческая наука: к постановке вопроса // Христианское чтение. 2018. №6. С. 181–188. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10140
22. *Костромин К., прот.* Потестарность и христианизация Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 7: К 60-летию профессора Андрея Юрьевича Дворниченко / под ред. д.и.н. А. В. Петрова. СПб., 2017. С. 93–101.
23. *Костромин К., прот.* Фольклор и легенда — от сюжета к смыслу: к вопросу о летописном сказании об апостоле Андрее // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 6: Наследие святого Кирилла Туровского. История, культура и мысль Древней Руси / под ред. д.и.н. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2016. С. 295–300.
24. *Мильков В. В.* Политический элемент в нравственно-религиозной проповеди епископа новгородского Луки Жидята // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 6–27.
25. *Мильков В. В.* Своеобразие идейно-религиозной ситуации на Руси // Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. С. 28–42.
26. *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона / Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, Институт русского языка АН СССР. Киев: Наукова думка, 1984.
27. *Мюллер Л.* Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 4. СПб.; Казань, 2015. С. 187–196.
28. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009.
29. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001.
30. *Назаренко А. В.* Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный охранитель Руси. М.: Квадрига, 2020.
31. *Никольский Н. М.* История Русской Церкви. 4-е изд. М.: Политиздат, 1988.
32. *Оспенников Ю. В.* «Отрицающий современный ему римский экстраординарный процесс»: отзыв на статью прот. А. Балакая о церковном суде Древней Церкви // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 123–133.
33. *Оспенников Ю. В.* О принципе публичности в древнерусском церковном суде XI–XIV вв. // Научные труды Самарской духовной семинарии. Самара, 2020. С. 39–51.
34. *Пентковский А. М.* «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции охридско-преспанского региона в X–XI столетиях // Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кириллометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, 3–4 октомври 2013). Скопје, 2014. С. 43–65.
35. *Петров А. В.* Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2015. № 3. С. 8–30.
36. *Петров А. В.* Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси (к чествованию памяти в связи с 1000-летием преставления) // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 10–21.
37. *Повесть временных лет / подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Андриановой-Перетц.* 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1999.
38. *Подскалки Г.* Средневековна теолошка књижевност у Бугарској и Србији (865–1459). Београд: Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања, 2010.

39. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / отв. ред. чл.-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.
40. Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.
41. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л.: Наука, 1966.
42. Слюнкин А. А. Антиохийская православная церковь и Россия: источники и историография взаимоотношений // Вестник Самарского гос. ун-та. 2010. № 75. С. 125–133.
43. Титмар Мерзебургский Хроника / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009.
44. Ульянов О. Г. Учреждение Киевской митрополии в свете новейших научных данных // Genesis: исторические исследования. 2021. № 3.
45. Федотова П. И. О заглавиях начальной летописи: факты и фикции // Sciences of Europe. 2021. № 77–1 (77). С. 10–33.
46. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
47. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015.
48. Чернышова Н. А. Аскетизм как культурная ориентация // Позитив. Философские проблемы науки и техники. 2016. № 10. С. 175–179.
49. Шахматов А. А. Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / подгот. текста Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
50. Darrouzes J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
51. Suttner E. C. Kircheneinheit im 11. bis 13. Jahrhundert durch einen gemeinsamen Patriarchen und gemeinsame Bischöfe für Griechen und Lateiner // Средневековна християнска Европа: изток и запад. Ценности, традиции, общуване. София, 2002. С. 490–498.
52. URL: https://www.rah.ru/exhibitions/detail.php?ID=33932&sphrase_id=120000 (дата обращения: 03.11.2021)

Поступила в редакцию 27.08.2021

Костромин Константин Александрович, протоиерей, кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви 191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного Канала, 17
E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

K.A. Kostromin

CREATION OF THE CHURCH EPISCOPAL STRUCTURE IN ANCIENT RUSSIA DURING THE ACTIVE POLITOGENESIS ERA AT THE LATE 10th — FIRST HALF OF THE 11th CENTURIES

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-42-54

The relationship between the Christianization of Ancient Rus' and the initial stage of its political genesis has been studied for a long time, even though the direct formulation of the question does not appear often. One of the elements of this process is the formation of the church episcopal structure. More and more often historians come to the conclusion that its instant appearance was impossible (as historians of the pre-revolutionary era thought), and that its creation should have taken more or less long time (up to several decades), which gave rise to a number of concepts explaining the ways of creating the Russian church hierarchy. In 2015, the concept of a plurality of initial hierarchical structures (jurisdictions) after the baptism of St. Vladimir appeared. This article analyzes the opinions of historians who supported or criticized this provision and also provides additional conclusions about the nature of the relationship between the church structure formation and the political genesis of Ancient Rus' in the era of St. Vladimir.

Keywords: History of the Russian Church, Ancient Rus', Bishop, Political Genesis, Historiography.

REFERENCES

1. Bakhrushin S. V. K voprosu o kreshchenii Kiyevskoy Rusi [On the question of the baptism of Kievan Rus]. Istorik–marksist [Historian–Marxist], 1937, no. 2, pp. 40–77. (In Russian).
2. Volchkov A. S. Rannekhristianskaya obshchina v antichnom polise [Early Christian community in the ancient city]. Moscow, Poznaniye Publ., 2019. (In Russian).
3. Gaidenko P. I. K voprosu o podlinnosti Ustava knyazya Vladimira «O desyatynakh, sudakh i lyudyakh tserkovnykh» [Towards authenticity of the Grand Prince Vladimir's Charter “On dessiatine, law and people of the Church”].

- Vestnik PSTGU. Seriya: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [St. Tikhon's University Review. Series II: History; Russian Church History], 2008, Issue II: 1 (26), pp. 7–16. (In Russian).
4. *Gaidenko P. I.* O yepiskopskikh monasteryakh i o pravakh arkhiyereyev v otnoshenii monasteryey Kiyevskoy Rusi [About bishopric Monasteries and Eparchs' Rights to Kievan Rus Monasteries]. *Rossica Antiqua*, 2016, no. 1–2 (13), pp. 3–27. (In Russian).
 5. *Gaidenko P. I.* O prave suda nad yepiskopatom na Rusi (XI–XIII vv.). postanovka problemy [On the right of trial over the episcopate in Russia (11–13 centuries). Formulation of the problem]. *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2020, no. 1, pp. 90–108. (In Russian).
 6. *Grekov B. D.* Kiyevskaya Rus' [Kievan Rus]. Moscow, AST Publishing House, 2004. (In Russian).
 7. *Gruznova E. B.* Ob osobennostyakh izucheniya letopisnogo predaniya ob apostole Andreye. [About the Features of the Study of the Annalistic Legend about st. Andrew]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2016, no. 5, pp. 323–338.
 8. *Dvornichenko A. Yu.* A sushchestvovalo li gosudarstvo Kiyevskaya Rus'? [Was there a state of Kievan Rus?]. *Rodina* [Homeland], 2012, no. 9, pp. 79–82. (In Russian).
 9. *Dvornichenko A. Yu.* Goroda-gosudarstva Drevney Rusi: staryye istiny, "novyye podkhody" i nekotoryye perspektivy izucheniya [City-states of Ancient Rus: old truths, "new approaches" and some perspectives for study]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Paleorosiya. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2018, no. 2 (10), pp. 6–23. (In Russian).
 10. *Dolgov V. V.* Byt i nrawy Drevney Rusi. Miry povsednevnosti 11–13 vv. [Life and customs of Ancient Russia. The worlds of everyday life, 11–13 centuries]. Saint-Petersburg, Publishing house of Oleg Abyshko, 2017. (In Russian).
 11. *Zhivkovych T.* Tsrkvena organizatsija u srpskim zemlana (rani srednji vek) [Church organization in Serbian lands (early Middle Ages)] / *Historical Institute*, vol. 45. Belgrade, 2004. (In Serbian).
 12. *Zadornov A. V.* Territorial'nyye yeparkhii i etnicheskiye yepiskopii v strukture tserkovnoy organizatsii Pervogo Bolgarskogo tsarstva (kanonicheskiy aspekt) [Territorial dioceses and ethnic bishops in the structure of the church organization of the First Bulgarian Kingdom (canonical aspect)]. *Slověne = Slovene. International Journal of Slavic Studies*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 121–135. (In Russian).
 13. *Zadornov A. V.* Yurisdiksiya pervonachal'noy tserkovnoy organizatsii v Kiyeve: istoricheskiye gipotezy i kanonicheskaya vozmozhnost' [Jurisdiction of the original church organization in Kiev: historical hypotheses and canonical possibility]. *Praxis*, 2019, vol. 2, no. 2, pp. 15–30. (In Russian).
 14. *Kirpichnikov A. N.* Gosudarstvennosti Rossii — 1150! [Statehood of Russia — 1150!]. *Rodina* [Homeland], 2012, no. 9, pp. 23–24. (In Russian).
 15. *Kostromin K. A.* Apostol Andrey i yego pochitanie v XI v. na Rusi: Vostok i Zapad [Apostle Andrew and his veneration in the 11 century in Russia: East and West]. *Khristianskiye tsennosti v kul'turnoy traditsii Vostoka i Zapada — istoriya i sovremennost'*. Sbornik dokladov XXII Mezhdunarodnykh Kirillo-Mefodiyevskikh chteniy. [Christian values in the cultural tradition of the East and West — history and modernity. Materials of the 22 International Cyril and Methodius Conference]. Minsk, Minar Publ., 2017, pp. 193–197. (In Russian).
 16. *Kostromin K. A.* K voprosu o sravnenii kreshcheniya Rusi i Litvy [A Contribution to the Question of the Comparative Analysis of the Baptism of Rus with that of Lithuania]. *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2016, no. 2 (14), pp. 11–28. (In Russian).
 17. *Kostromin K. A.* K voprosu ob avtore letopisnogo skazaniya ob apostole Andreye [On the question of the author of the chronicle legend about the Apostle Andrew]. *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2015, no. 6, pp. 22–38. (In Russian).
 18. *Kostromin K. A.* Knyaz' Vladimir i istoki russkoy tserkovnoy traditsii: etyudy ob epokhe prinyatiya Rus'yu khristianstva [Prince Vladimir and the origins of the Russian church tradition: about the era of the adoption the Christianity in Russia]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg Theological Academy Press, 2016. 176 p. (In Russian).
 19. *Kostromin K. A.* Konfessional'naya polikul'turnost' Kiyevskoy Rusi nachala XI veka [Confessional polyculturalism of Kievan Rus at the beginning of the 11th century]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas], 2015, no. 3, pp. 48–75. (In Russian). DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00003
 20. *Kostromin K. A.* Kreshcheniye Rusi v otechestvennoy istoriografii do i posle 1917 goda [Baptism of Rus in Russian historiography before and after 1917]. *Tserkov'. Bogosloviye. Istoriya. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii* [Church. Theology. History. Materials of the 5 International Scientific and Theological Conference]. Ekaterinburg, Ekaterinburg Theological Seminary Press, 2017, pp. 237–242. (In Russian).
 21. *Kostromin K. A.* Monopolizm i tserkovno-istoricheskaya nauka: k postanovke voprosa [Monopolism and Church History Studies: Putting an Issue]. *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading], 2018, no. 6, pp. 181–188. (In Russian). DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10140
 22. *Kostromin K. A.* Potestarnost' i khristianizatsiya Rusi [A Potestarity and the Christianization of Russia]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas], 2017, no. 7, pp. 93–101. (In Russian). DOI: 10.24411 / 2618-9674-2017-00033
 23. *Kostromin K. A.* Fol'klor i legenda — ot syuzheta k smyslu: k voprosu o letopisnom skazanii ob apostole Andreye [Folklore and Legend — from Story to Meaning: towards the Question of the Legend of the St. Andrew in the

- Chronicles]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnosityakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas], 2016, no. 6, pp. 295–300. (In Russian). DOI: 10.24411 / 9999-0702-2016-00044
24. *Mil'kov V. V.* Politicheskiy element v npravstvenno-religioznoy propovedi yepiskopa novgorodskogo Luki Zhidyaty [The political element in the moral-religious sermon of Luka Zhidyata]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnosityakh, v ideyakh* [Paleorosia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2019, no. 1 (11), pp. 6–27. (In Russian).
25. *Mil'kov V. V.* Svoyeobraziye ideyno-religioznoy situatsii na Rusi [The originality of the ideological and religious situation in Rus]. *Dergacheva I. V., Mil'kov V. V., Milkova S. V.* Luka Zhidyata: svyatitel', pisatel', myslitel' [Luka Zhidyata: saint, writer, thinker]. Moscow, Mir Filosofii Publ., 2016, pp. 28–42. (In Russian).
26. *Moldovan A. M.* «Slovo o zakone i blagodati» Ilariona [“The Word of Law and Grace” by Hilarion]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1984. (In Russian).
27. *Muller L.* Problema khristianizatsii Rossii i ranney istorii russkogo khristianstva [The problem of the Christianization of Russia and the early history of Russian Christianity]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnosityakh, v ideyakh* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2015, no. 4, pp. 187–196. (In Russian).
28. *Nazarenko A. V.* Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskiye issledovaniya) [Ancient Russia and the Slavs (historical and philological researches)]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ., 2009. (In Russian).
29. *Nazarenko A. V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnyye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey IX–XII vekov [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary researches of cultural, trade, political ties of the 9th–12th centuries]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. (In Russian).
30. *Nazarenko A. V.* Knyaz' Vladimir Velikiy. Krestitel', stroitel', nebesnyy okhranitel' Rusi [Prince Vladimir the Great. Baptist, builder, heavenly guardian of Russia]. Moscow, Quadriga Publ., 2020. (In Russian).
31. *Nikol'skiy N. M.* Istoriya Russkoy Tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. (In Russian).
32. *Ospennikov Yu. V.* "Otritsaya sovremennyy yemu rimskiy ekstraordinarnyy protsess": otzyv na stat'yu prot. A. Balakaya o tserkovnom sude Drevney Tserkvi [“Denying the Contemporary Roman extraordinary process of the time”: a review of the article by Archpriest A. Balakay on the ecclesiastical court of the Ancient Church]. *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2020, no. 6, pp. 123–133. (In Russian).
33. *Ospennikov Yu. V.* O printsipe publichnosti v drevnerusskom tserkovnom sude XI–XIV vv. [About the principle of publicity in the ancient Russian church court in the 11–14 centuries]. *Nauchnyye trudy Samarskoy dukhovnoy seminarii* [Scientific works of the Samara Theological Seminary]. Samara, 2020, pp. 39–51. (In Russian).
34. *Pentkovskiy A. M.* «Okhrid na Rusi»: drevnerusskiye bogosluzhebnyye knigi kak istochnik dlya rekonstruktsii liturgicheskoy traditsii okhridsko-prespanskogo regiona v X–XI stoletiyakh [“Ohrid in Rus”: Old Russian liturgical books as a source for the reconstruction of the liturgical tradition in the Ohrid-Prespanian region at the 10th–11th centuries]. *Zbornik na trudovi od Meĝunarodniot nauchen sobir «Kirilometodiyevskata traditsija i makedonsko-ruskite dukhovni i kulturni vrski»* [Proceedings of the International Scientific Meeting “The Cyril and Methodius Tradition and the Macedonian-Russian Spiritual and Cultural Relations”]. Skopje, 2014, pp. 43–65. (In Russian).
35. *Petrov A. V.* Vladimir Svyatoslavich i yego synov'ya v kontekste normanskogo voprosa [Vladimir Svyatoslavich and his sons in the context of the Norman issue]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnosityakh, v ideyakh* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2015, no. 3, pp. 8–30. (In Russian).
36. *Petrov A. V.* Svyatoy ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir i Kreshcheniye Rusi (k chestvovaniyu pamyati v svyazi s 1000–letiyem prestavleniya) [Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the Baptism of Rus (for the millenium of his repose) // *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 2015, no. 6, pp. 10–21.
37. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years] / Ed. by V.P. Andrianova-Peretz and D. S. Likhachev. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1999. (In Russian).
38. *Podskalski G.* Srednovekovna teoloshka knizhevnost u Bugarskoj i Srbiji [Medieval theological literature in Bulgaria and Serbia] (865–1459). Belgrade, Faculty of Orthodox Theology Press, 2010. (In Serbian).
39. *Prinyatiye khristianstva narodami Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Yevropy i kreshcheniye Rusi* [The adoption of Christianity by the peoples of Central and South-Eastern Europe and the baptism of Russia] / Ed. by G.G. Litavrin. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian).
40. *Puzanov V. V.* Ot praslavyan k Rusi: stanovleniye drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza) [From the Proto-Slavs to Rus: the formation of the ancient Russian state (factors and images of political genesis)]. Saint-Petersburg, Publishing house of Oleg Abyshko, 2017. (In Russian).
41. *Romanov B. A.* Lyudi i navy Drevney Rusi [People and customs of Ancient Russia]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1966. (In Russian).
42. *Slyunkin A. A.* Antiokhiyskaya pravoslavnyaya tserkov' i Rossiya: istochniki i istoriografiya vzaimootnosheniy [Antiochian Christian Orthodox Church and Russia: sources and historiography of relationships]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University], 2010, no. 75, pp. 125–133. (In Russian).
43. *Titmar of Merseburg Chronicle* / Ed. by I. V. Dyakonova. Moscow, Russian panorama Publ., 2009. (In Russian).

44. *Ulyanov O. G.* Uchrezhdeniye Kiyevskoy mitropolii v svete noveyshikh nauchnykh dannyykh [The Kiev Metropolis Foundation through in the newest scientific data]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [historical research], 2021, no. 3. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.3.34794 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34794 (accessed: 03.11.2021). (In Russian).
45. *Fedotova P. I.* O zaglaviyakh nachal'noy letopisi: fakty i fiktsii [About the titles of the initial chronicle: facts and fictions]. *Sciences of Europe*, 2021, no. 77–1 (77), pp. 10–33. (In Russian).
46. *Froyanov I. Ya.* Kiyevskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii [Kievan Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad, 1980. (In Russian).
47. *Froyanov I. Ya.* Lektsii po russkoy istorii. Kiyevskaya Rus' [Lectures on Russian history. Kievan Rus]. St. Petersburg, Russkaya kolleksiya Publ., 2015. (In Russian).
48. *Chernysheva N. A.* Asketizm kak kul'turnaya oriyentatsiya [Asceticism as a cultural orientation]. *Pozitsiya. Filosofskiyе problemy nauki i tekhniki* [Position. Philosophical problems of science and technology], 2016, no. 10, pp. 175–179. (In Russian).
49. *Shakhmatov A. A.* Zhitiya knyazya Vladimira. Tekstologicheskoye issledovaniye drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vv. [Tale of Prince Vladimir. Textological research of ancient Russian sources of the 11th — 16th centuries]. Saint-Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2014. (In Russian).
50. *Darrouzes J.* *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae.* Paris, 1981. (In French).
51. *Suttner E. C.* Kircheneinheit im 11. bis 13. Jahrhundert durch einen gemeinsamen Patriarchen und gemeinsame Bischöfe für Griechen und Lateiner [Church unity in the 11th to 13th centuries by a common patriarch and common bishops for Greeks and Latins]. *Средневековна християнска Европа: изток и запад. Ценности, традиции, общуване* [Medieval Christian Europe: East and West. Values, traditions, communication]. Sophia, 2002. С. 490–498. (In German).
52. URL: https://www.rah.ru/exhibitions/detail.php?ID=33932&sphrase_id=120000 (date: 03.11.2021) (In Russian).

Received 27.08.2021

Kostromin K.A., Candidate of History, Candidate of Theology, Associate Professor, Vice-Rector for Research Saint Petersburg Theological Academy
Obvodnogo Kanala Emb., 17, Saint Petersburg, Russia, 191167
E-mail: k.a.kostromin@mail.ru